

НЕИЗВЕСТНАЯ ЭЛЕГИЯ В. П. ИВАШЕВА «РЫБАК»

Сообщение Ел. К. Решко

В. П. Ивашев принадлежит к числу тех декабристов, чье литературное творчество не дошло до наших дней.

Разносторонне одаренный человек, Ивашев писал стихи, переводил с французского, был художником и музыкантом, обладал способностями строителя.

Семья Ивашева тщательно собирала все, что относилось к его памяти. Его сестры сохранили переписку с сосланным братом. Собирали материалы о декабристе и дочери его, главным образом Мария Васильевна Трубникова¹, а впоследствии и внучки. До нас дошла обширная переписка декабриста и его семьи, охватывающая период с 1826 до 1841 г.² Отдельные письма отражают литературные вкусы Ивашева, раскрывают его духовный облик.

Дошли до нас и художественные работы Ивашева: виды Читы и Петровского завода, интерьеры тюремных камер и комнат в доме жены, автопортреты, а также планы Читинского острога и Петровской тюрьмы, исполненные акварелью, тушью, карандашом и сепией, планы и фасады дома в Туринске³. Сохранились варианты проекта памятника работы Ивашева для могилы его жены⁴; один из этих вариантов был использован для установления памятника в Туринске, где похоронен и сам декабрист.

Учился Ивашев живописи сначала дома, в Симбирске, потом в Москве и Петербурге. Есть основание предполагать, что для занятий рисованием ему помогло знакомство с А. Н. Олениным, президентом Академии художеств, в доме которого он бывал; с сыном Оленина, Алексеем, Ивашева связывала общая деятельность в Союзе Благоденствия.

Близкое знакомство Ивашева с условиями жизни учеников Академии дает основание думать, что он был неофициальным учеником⁵. И, наконец, его художественное наследие свидетельствует о серьезных знаниях основ живописи⁶.

Иначе обстоит дело с литературным творчеством Ивашева. До нас не дошли ни стихи, ни поэмы, ни одно из его произведений, на основании которых можно было бы судить о силе дарования Ивашева, кроме публикуемой здесь элегии, положенной им на музыку. Между тем о литературной деятельности Ивашева известно из ряда источников. Обратимся прежде всего к его собственному свидетельству, ясно определяющему его основную склонность к литературе, хотя в это же время музыка и живопись занимают далеко не последнее место в его интересах. Так, в ответах Следственной комиссии Ивашев сообщает: «Я приготавливал себя к военной службе, но занимался довольно и словесностью»⁷.

Ответ Ивашева указывает и время, с которого литература становится одним из любимых его занятий. Об этом имеется и другое свидетельство: «...ты знаешь, что ты был мой единственный учитель русской

литературы, и так мне очень бы интересно знать,⁸ все так ли согласны наши вкусы», — пишет ему сестра в Сибирь⁸. Следовательно, литературой Ивашев занимался еще в Симбирске.

О поэтическом даровании Ивашева, проявлявшемся еще в додекабрьский период, мы узнаем из «Записок» А. П. Беляева, который сообщает, со слов самого Ивашева, что тот писал стихи своей будущей жене во время пребывания в отпуске в Симбирске⁹.

Влияние на формировавшиеся литературные вкусы и мировоззрение Ивашева, приведшее его в Тайное общество, оказала, несомненно, та среда, в которой он вращался в петербургский период своей жизни. В 1815 г. Ивашев из Пажеского корпуса выходит корнетом в Кавалергардский полк, служба в котором сразу вводит его в круг будущих декабристов. Однополчанин Ивашева С. Н. Бегичев в 1817—18 г. принимает его в члены Союза Благоденствия, знакомит с Никитой Муравьевым, Грибодовым, А. Н. Олениным. В доме Оленина Ивашев встречается с Кюхельбекером, М. П. Бестужевым-Рюминым и другими членами Тайного общества. Близко знаком был Ивашев с Н. М. Языковым и Н. И. Тургеневым, его соседями по симбирскому имению и родственниками¹⁰. Ивашеву Тургенев показывает свое вступление к Уставу «Ордена русских рыцарей»: «...написав 1½ листа вступления к <...> покажу В. И.». Тургенева интересует и мнение Ивашева: «... был у В. И. и прочел ему вчера написанное. Ему правится, мне также...»¹¹.

В 1819 г. Ивашев приезжает в Тульчин, где находится главная квартира 2-й Армии, уже как член Союза Благоденствия и сразу попадает в революционно настроенную среду людей, «...несравненно более моего занимавшихся по предметам политическим», как сообщает он Следственной комиссии. Здесь он читает политические сочинения русских и западноевропейских писателей и, по поручению Пестеля, делает из них выписки. «Занятие, данное мне, Барятинскому и Крюкову (адъютанту Главного командующего 2-й армии), состояло в выписке из сочинений Барюеля о Вейсхауптовом тайном обществе, и особенно возложено было на меня...», — показывает он на следствии. Ивашев — первый читатель «Русской правды» и свидетель ее создания: «Читанное мною из сочинений Пестеля, в то время как я жил на его квартире, состояло из отрывков, касающихся устройства министерств...»¹². В это время Ивашев становится одним из ближайших друзей Пестеля, который оказывает на него сильнейшее влияние. После Московского съезда и ликвидации Союза Благоденствия Ивашев, по свидетельству Пестеля, «...был из первых членов Южного общества, оставшийся и при решении продолжения оногo в 1821»¹³.

Но в Тульчине Ивашев интересовался не только политикой. О его литературных и музыкальных занятиях того времени образно свидетельствует А. П. Барятинский в «Послании Ивашеву»¹⁴. Барятинский упрекает Ивашева в небрежении к талантам и призывает к вдохновению:

О ты, кем Лафонтен легко переведен,
Тебя вниманием приветил Аполлон,
Ему твои стихи читать всегда приятно
(Ведь там, в жилище муз, и наша речь понятна!).
А сам старик-поэт в твоих словах живых
С восторгом узнает им сочиненный стих
И в мирных тех местах, где обитают тени,
Пленяется игрой повторных превращений.

.....
Так было... Но твое воображенье спит.
Стыдись! Пусть мой упрек тебя расшевелит.

В. П. ИВАШЕВ

Автопортрет. Рисунок тушью
и карандашом, 1815—1824 гг.
Собрание Ел. К. Решко, Москва

А если, Ивашев, боишься ты цензуры —
Вот пианино! Сядь, коснись клавиатуры,
Забудь мои стихи и горький мой упрек
И звуков разбуди бушующий поток!

Указание на цензуру, которой должен бояться Ивашев, позволяет предполагать, что он писал уже в то время стихи, носившие «непозволительный» политический характер. Указания на сатирические элементы в творчестве Ивашева встречаются в декабристской литературе, в частности в «Записках» Д. И. Завалишина, который приводит отрывок из сатирической песни Ивашева, высмеивающей неудачный поход Дибича в Польшу в 1831 г.¹⁵ К сожалению, вся песня целиком не сохранилась и дошла до нас только в отрывке.

В «Послании Ивашеву» черпаем мы и первые сведения о его музыкальных композициях:

По пестрым клавишам, не ведая преграды,
Умешь прокатить ты громкие рулады
И, наконец, аккорд тяжелый уронив,
В молчании следить, как замер твой мотив.
Твои фантазии и дум твоих волненье
Внимающих тебе приводят в восхищенье.

И дальше:

...Ты радость светлых дум и грусть раздумий черных
Умешь передать на клавишах проворных.
Упреки тщетные! Что толку сожалеть!
Душа твоя во сне, не станут струны петь.
Увы! Ты за столом давно сидишь уныло.
Перо твое в пыли, и высохли чернила.
Бумажные листы, сверкая белизной,
Давно нетронуты, лежат перед тобой.

Опершись на руку и опустив ресницы,
 Ты взгляда своего не сводишь со страницы.
 Другая же рука, как будто в забытьи,
 Отстукивает вновь мелодии свои
 По гладкому столу, сверкающему лаком,
 Послушно следуя безмолвным нотным знакам.

О музыкальных композициях Ивашева упоминает в письме из Сибири и его жена. Она пишет, что любит слушать «импровизации Базиля»¹⁶. О музыкальном даровании Ивашева вспоминает и А. П. Беляев: «... он был <...> прекрасно образован и к тому еще обладал редким музыкальным талантом...»¹⁷. Игре на фортепиано Ивашев учился у знаменитого Фильда, среди учеников которого были М. И. Глинка, А. Н. Верстовский, А. Л. Гурилев, В. Ф. Одоевский и др. Фильд гордился Ивашевым как своим учеником. К сожалению, музыкальных произведений Ивашева не сохранилось, кроме публикуемой ниже композиции.

Из следственного дела Ивашева известно, что он читал и распространял среди тульчинских членов Южного общества политические «стихи вполне преступного содержания», которые получил от В. Л. Давыдова в Лянцах в доме у Пестеля в 1824 г.: «... после ужина, читая разные новые стихотворения, Давыдов вынул наконец те <...>, о которых он сказал мне <...>, что эти песни привезены из Петербурга. Я имел глупость их списать и, приехав в Тульчин, <...> показал их Пушкину 1-му и дал ему списать»¹⁸. Ивашев добавляет, что, «кажется», сжег их.

Если Ивашев сжег из осторожности не принадлежавшие ему антиправительственные песни, надо полагать, что он не пощадил и собственных стихов того времени, вероятно тоже имевших далеко не невинный характер. Естественно, что хороший конспиратор, скупое дававший показания Следственной комиссии¹⁹, Ивашев в ожидании ареста уничтожил свои бумаги, с которыми, вероятно, погибли и его литературные произведения декабрьского периода.

В читинской и петровской тюрьмах Ивашев поддерживает близкие отношения с Н. А. Бестужевым, Мухановым, Басаргиным, Одоевским, Беляевыми, Розеном, Пуциным, Волконским, Юшневским и другими декабристами, с которыми его роднят и сближают общность интересов, литературное и живописное творчество.

О литературной деятельности Ивашева периода каторги и поселения мы черпаем сведения из мемуарных источников. Так, Розен вспоминает: «Вдохновенными поэтами были у нас А. И. Одоевский, П. С. Бобринцев-Пушкин 2-й и В. П. Ивашев...». Он же сообщает о написанной Ивашевым большой поэме «Стенька Разин»²⁰. Мы не сомневаемся, что поэма была окрашена политическими мотивами и из предосторожности уничтожена или самим Ивашевым или его товарищами.

Есть предположение, что Ивашевым написаны слова на музыку Пестеля. М. К. Азадовский обосновывает эту гипотезу тем, что среди ближайших друзей Пестеля поэтами были только Бярятинский и Ивашев. Но Бярятинский не писал стихов на русском языке. Автор названного стихотворения с предельным лаконизмом, в простых и скупых словах сумел выразить все величие спокойно ожидающего казни декабриста:

Заалел восток...
 Зарей последней наслаждаюсь!
 Пусть свершится рок,
 Ему без спора покоряюсь

и т. д.²¹

Ивашев принимал также горячее участие в обсуждении и разборе произведений своих соучеников. Об этом рассказывает А. П. Беляев,

Allegro Agitato Рыбак

Волна-волна мурлыкала бы-

Сильн.
мурлыка са-на-на-на о бе-редь вель ка-бура-гу са-на-на мурлыка

*Andante quasi Adagio
e allargando*

мурлыка гда-на-на е-ла-на мурлыка. Е-го-ва

про-са-на-на-на са-на-на-на мурлыка. но-на-на, на-на-на в-на-на-на-на-на-на

preludio

АВТОГРАФ ЭЛЕГИИ «РЫБАК». МУЗЫКА И СЛОВА В. П. ИВАШЕВА, 1840 г.

Листы 1, 2

Центральный исторический архив, Москва

еще мелька-ет еще вь-ду, то погуля-ть то брыз-ка-ет.
какъ бы проща-ет сьрт- да какъ Мать та-маша зли-зили

во-за-ра-тъ свее-сно и въ ступа-тъ шьт мо-ло-диль.
Allegro

АВТОГРА ЭЛЕГИИ «РЫБАК». МУЗЫКА И СЛОВА В. П. ИВАШЕВА, 1840 г.

Листы 3, 4

Центральный исторический архив, Москва

вспоминая о таланте Одоевского: «Первыми его слушателями, критиками и ценителями всегда были мы с Мухановым и Ивашевым»²².

На поселении в Туринске, куда Ивашев переехал с семьей в 1836 г., он много времени уделял музыке и живописи, а также литературной работе. По поручению отца он начал переводить на русский язык биографию Суворова, написанную Антингом с поправками П. Н. Ивашева, и привлек к этому Басаргина²³, но внезапная смерть Ивашева не дала ему закончить его труд. Работал Ивашев и над постройкой своего нового дома: «... по вечерам читаем <...>, не то черчу свои планы и фасады...»²⁴.

Тяжелое душевное состояние Ивашева, вызванное смертью его родителей (в 1837 и 1838 гг.), подверглось новому потрясению, надломившему его здоровье,— в 1839 г. трагически скончалась его жена.

Но и в тяжелый год вдовства он не утрачивает способности к деятельности, хотя жизнь его явно угасает. По утрам он занимается чтением с пятилетней дочерью Машей, дает уроки на фортепиано дочери декабриста Анненкова Оле, остальное время до полудня пишет, читает, занимается живописью²⁵.

Оставшиеся после смерти Ивашева литературные, художественные и музыкальные произведения были увезены его родными из Сибири, а затем расплылись и рассеялись. Е. П. Языкова жила в это время за границей и не могла воспрепятствовать расхищению бумаг брата, которые брали себе «на память» многочисленные родственники и знакомые. Часть осталась и в Сибири. Об этом свидетельствует Басаргин: «...у меня сохранились кое-какие бумаги и памятки покойного, которые будут для Вас драгоценными»,— сообщает он Языковой²⁶.

При публикации единственного сохранившегося поэтического музыкального произведения Ивашева мы не ставили себе целью дать исчерпывающий анализ его творческого наследия. Мы лишь дали краткий обзор литературной, художественной и музыкальной деятельности декабриста.

Публикуемый здесь автограф музыкальной композиции Ивашева в 1936 г. был передан автором этих строк в Гос. Литературный музей в Москве вместе с живописными произведениями декабриста и другими семейными реликвиями, почти целое столетие хранившимися у потомков Ивашева. Музыка и слова элегии «Рыбак» принадлежат Ивашеву. Первые строки элегии написаны под влиянием баллады Гёте «Рыбак», популярной в те годы в переводе Жуковского.

Приводим текст элегии:

РЫБАК

Волна шумит, волна бушует
И с пеною о берег бьет.
На берегу сидит, тоскует
Младой рыбак и слезы льет.
Грозой челнок его разбил,
Напрасны были все труды.
Погиб, но белое ветрило
Еще мелькает из воды.
То погрузится, то всплывает,
Как бы прощаясь с рыбаком,
Так пламень жизни догорает
С весной в страдальце молодом²⁷.

Подпись автора и дата в тетради отсутствуют. На обороте обложки сделана лишь надпись М. В. Трубниковой или Ек. К. Решко (внучкой декабриста): «Роман сочинения В. П. Ивашева». На листах альбома имеются водяные знаки 1819 года, которые отнюдь не определяют времени

написания романса. Вернее всего, что он был написан в последний год жизни декабриста (1840) и навеян смертью жены.

Композитор Ю. А. Шапорин, ознакомившись с произведением «Рыбак», нашел, что романс, написанный В. П. Ивашевым, «говорит о несомненной музыкальной одаренности декабриста. Мелодия этого романса широка и напевна. Гармония естественна и в то же время не лишена изобретательности».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мария Васильевна Трубникова (1835—1897)— старшая дочь Ивашева, известная деятельница женского освободительного движения второй половины XIX в. О ней см.: О. К. Буланова. Три поколения. М.—Л., 1928, стр. 66—134.

² ЛБ. Письма Ивашевых. Отдельные письма находятся в гос. архивах и музеях СССР.

³ Гос. Литературный музей (Москва). Отдельные работы — в музеях Москвы и Ленинграда, а также в моем собрании.

⁴ Камила Петровна Ивашева (рожд. Ле-Дантю) — род. в 1808 г., умерла в Туринске 30 декабря 1839 г. В 1933 г. памятник на могиле Ивашевых был неизвестно кем разрушен и сейчас восстановлен по фотографии.

⁵ Письмо Ивашева к Е. П. Языковой от 29 ноября 1840 г.— ЛБ, М. 5790, л. 130—130 об.

⁶ Об Ивашеве как художнике см. в статье М. Ю. Барановской «Художники-декабристы». — Сб. «Декабристы в Сибири». Новосибирск, 1952, стр. 192—193.

⁷ ЦГИА, ф. № 48, д. 419 (Ивашева), л. 12.

⁸ Письмо Е. П. Языковой к В. П. Ивашеву от 21 марта 1830 г.— ЛБ, М. 5782, л. 165 об.

⁹ Беляев, стр. 218.

¹⁰ Сестра декабриста, Е. П. Ивашева, была замужем за П. М. Языковым, братом поэта. С Тургеневыми же Ивашевых связывали близкие дружеские отношения и родственные узы — отец Н. И. Тургенева и отец В. П. Ивашева были двоюродные братья.

¹¹ «Архив Тургеневых», вып. 5, стр. 41 и 42. — По семейным преданиям известно, что «В. И.» — В. П. Ивашев. Такое же предположение высказано и А. Н. Шebuниным («Письма Тургенева», стр. 48).

¹² ЦГИА, ф. № 48, д. 419, лл. 12 об., 24, 27 об., 33 об.

¹³ Там же, л. 46.

¹⁴ «Epritre à Ivacheff. Quelques heures de loisir à Tulchin par le prince Variatinsky». М., 1824, стр. 10; сб. «Поэзия декабристов». Л., 1950, стр. 644—646 (перевод В. А. Рождественского), ранее — «Былое», 1926, № 1, стр. 11—12 (перевод Ф. К. Сологуба).

¹⁵ Завалишин, стр. 273.

¹⁶ О. К. Буланова. Роман декабриста. М., 1933, стр. 283.

¹⁷ Беляев, стр. 219.

¹⁸ ЦГИА, ф. № 48, д. 419, лл. 40 об.— 41. — Пушкин 1-й — декабрист Н. С. Бобринцев-Пушкин.

¹⁹ Тщательное изучение следственного дела Ивашева позволяет определить основную линию, которой он придерживался во время допросов: сохранение конспирации. Ивашев дает очень расплывчатые и неясные показания, отговаривается незнанием, запамыванием, ссылается на долговременные отпуски. Но от ответственности Ивашев не уклоняется и просит считать его виновным наравне с другими: «В обвинение себе скажу, что я согласился на все сделанные тогда предложения и что не менее виноват других тут бывших членов, — наравне с другими виноват, если и решено даже было то, что теперь не помню...» (ЦГИА, ф. № 48, д. 419, л. 23).

²⁰ Розен, стр. 175.

²¹ ЦГИА, ф. № 1463, оп. 1, ед. хр. 362 (на папке надпись: «Из архива Сабуровых»). См. также «Лит. наследство», т. 59, стр. 707.

²² Беляев, стр. 206.

²³ П. Н. Ивашев (1767—1838) — бывш. начальник штаба Суворова, писал воспоминания о великом полководце. Отрывок из них опубликован в «Отеч. записках», 1841, т. XIV («Материалы для истории века Екатерины Великой. Из записок о Суворове»). У П. Н. Ивашева хранились и «своеручные записки гр. Суворова» (ЛБ, М. 5790, лл. 309—312. — Эти записки Суворова не дошли до нас).

²⁴ ЛБ. Письма Ивашевых. М. 5779, л. 33.

²⁵ Письмо Ивашева к Е. П. Языковой. — ЛБ. Письма Ивашевых за 1840 г. М. 5779, л. 122 (ср. О. К. Буланова. Указ. соч., стр. 357).

²⁶ Письмо Н. В. Басаргина к Е. П. Языковой от 4 апреля 1841 г.— О. К. Буланова. Указ. соч., стр. 371.

²⁷ ЦГИА, ф. № 1714, оп. 1, ед. хр. 1. — В автографе имеются нотные описки.